Чернов В. Империалистические мечты и действительность

E49 138

E49 138

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!»

№. 26.

Викторъ Черновъ.

B167 257

ИМПЕРІАЛИСТИЧЕСКІЯ МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Цѣна 25 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Эта небольшая работа была написана приблизительно за годъ до революціи и напрасно скиталась по редакціямъ тогдашнихъ подцензурныхъ журналовъ.

Мнѣ думается, что она все же доселѣ не потеряла своего значенія, и я рѣшаюсь отдать ее для изданія отдѣльной брошюрой, ничего въ ней не измѣняя.

Викторъ Черновъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ
№ ——— г.
821137
БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ

Имперіалистическія мечты и дѣйствительность.

I.

Кому было интересно видѣть, какъ способенъ переродиться человѣкъ подъ вліяніемъ атавистическаго національнализма, тому съ самаго начала войны представлялся великолѣпный объектъ для наблюденія въ лицѣ Вернера Зомбарта. Этотъ уравновѣшенный „объективистъ“, наглядно доказавшій въ своемъ лицѣ, что „можно быть марксистомъ, не будучи соціалистомъ“ (П. Струве), спустился до уровня нашихъ „нововременскихъ молодцевъ“, которые во время дальневосточной войны третировали нашихъ тогдашнихъ „враговъ“ нынѣшнихъ друзей и союзниковъ, какъ какихъ-то полуобезьянъ, „макаковъ“. Съ высотъ своей національной гордыни онъ сдѣлалъ смотръ всѣмъ національностямъ противоположнаго лагеря—и только брезгливо морщился да пожималъ плечами.

Японцы? „Мнѣ, какъ профессору, съ ними приходилось—увы!—имѣть дѣло слишкомъ часто, и они, въ сущности, никогда мнѣ не казались людьми, а просто полуобезьянами, очень хорошо одаренными для изученія наукъ. Весьма трудно питать къ нимъ человѣческое чувство. Ненависть? Также нѣтъ. Дворняжку, которая вамъ бросается подъ ноги на улицѣ, вы ненавидите, а просто бьете“.

Сербы? „Ихъ мы знаемъ, какъ продавцевъ мышеловокъ и какъ студентовъ, да еще по ихъ грязному династическому инциденту... И я не могу отдѣлаться отъ мысли, что оскверняешь свое честное оружіе, сражаясь съ подобными людьми“.

Черногорцы? „Плохая историческая шутка“, своего рода Монако, лѣзущее въ среду „настоящихъ“ державъ,—моська, лающая на слона.

Бельгійцы? „Бельгія кажется мнѣ недоноскомъ политики, а бельгійская національность производитъ на меня впечатлѣніе анекдота. Можно, впрочемъ, если угодно, пожалѣть этихъ бѣдныхъ людей".

Французы? „Глядя на нихъ, пожалуй, можно испытывать болѣе серьезное чувство грусти, какъ о раненомъ на смерть благородномъ оленѣ—или какъ о донъ-Кихотѣ, этомъ живомъ анахронизмѣ, печальномъ эпигонѣ рыцарскихъ временъ, безумно взявшемся за непосильную задачу и обрекшемъ себя на фатальный траурный конецъ. „И такъ какъ онъ вздумалъ возродиться въ наше время, время огнестрѣльнаго оружія, то мы почтимъ его могилу—троекратнымъ залпомъ!"

Англичане? Вотъ это другое дѣло. Къ Англіи Зомбартъ проповѣдуетъ всеобщую, прямую, равную, тайную и явную ненависть. Ненависть такую пламенную, что для нея отнюдь не преувеличеннымъ выраженіемъ будетъ „Гимнъ ненависти" Лиссауэра.

Wir werden dich hassen mit langem Hass,
Wir werden nicht lassen von unsrem Hass,
Hass zu Wasser und Hass zu Land
Hass des Hauptes und Hass der Hand
Hass der Hämmer und Hass der Kronen,
Drasselnder Hass von siebzig Millionen!

Откуда такая ненависть? Въ самомъ Зомбартѣ она такъ сильна, что передъ нею безсиленъ его умъ. Она тяготѣетъ надъ нимъ, какъ высшая, неподдающаяся анализу, давящая сознаніе стихія. И потому она кажется Зомбарту чувствомъ, гораздо болѣе, чѣмъ просто практическимъ и обусловленнымъ реальными моментами,—чувствомъ почти метафизическимъ и трансцендентнымъ. Это, говоритъ онъ, племенная ненависть, „таящаяся въ глубокихъ тайникахъ нашего существа, гдѣ соображенія разума не имѣютъ дѣйствія, тамъ, гдѣ неразрѣльно царитъ ирраціональная, инстинктивная сила". Нѣмецъ, оказывается, ненавидитъ въ англичанинѣ „начало, враждебное его самой сокровенной и самой возвышенной сущности"...

Когда-то Зомбартъ весьма и весьма щеголялъ крайнею трезвостью и скептицизмомъ. Это былъ завзятый экономическій матеріалистъ, любопытный образчикъ „буржуазнаго марксиста". Будетъ, поэтому, чистой справедливостью („долгъ платежемъ красенъ") отвѣтить ему вполнѣ въ духѣ его прежнихъ воззрѣній. И прежде всего сказать, что тотъ „нѣмецъ", про котораго онъ говоритъ, не есть какой-то абстрактный

„нѣмецъ вообще“, а просто современный нѣмецкій культурный буржуа; что, поэтому, его „самая сокровенная и самая возвышенная сущность“ есть не что иное, какъ великодержавный имперіализмъ мірового размаха; и что, наконецъ, именно въ силу этого онъ правъ, когда во всемъ лагерѣ своихъ противниковъ останавливается именно на Англіи, какъ на основномъ „враждебномъ началѣ“. Такимъ образомъ, весьма „раціональны“ корни той „ирраціональной, инстиктивной силы“, той психологической почвы, въ которую уходитъ своими корнями крѣпкій, усѣянный шипами стебель ненависти къ опасному конкурренту, распускающійся махровыми цвѣтками таинственно-метафизическаго антагонизма двухъ глубокихъ національныхъ сущностей.

Это „человѣческое, слишкомъ человѣческое“ (читай „матеріальное, слишкомъ матеріальное“) основаніе Зомбартовской національной метафизики выступаетъ еще яснѣе, когда мы переходимъ къ его отзывамъ о Россіи. Казалось бы, какая благодарная тема для язвительности и высокомѣрнаго издѣвательства! Какой случай выставить Германію оплотомъ Европы противъ восточнаго варварства! Давно ли въ Германіи все „оправданіе войны“, „все пріятіе войны“ мотивировалось необходимостью сокрушить угрожающую культурѣ опасность режима кнута и казачины? И что же? По отношенію къ Россіи Зомбартъ оказывается неожиданно мягокъ. Онъ готовъ нынѣшній конфликтъ признать случайнымъ и преходящимъ: виновата въ немъ Россія, согласившаяся служить слѣпымъ орудіемъ Англіи. Но коренного, глубокаго антагонизма между Россіей и Германіей Зомбартъ не видитъ. Правда, онъ не можетъ не признать, что по всему своему характеру русская и нѣмецкая душа чрезвычайно различны, пожалуй даже противоположны. Но въ данномъ случаѣ, оказывается, это не бѣда. Въ самомъ дѣлѣ—замѣчаетъ находчивый Зомбартъ—мужское и женское начало тоже противоположны, что, однако, не мѣшаетъ имъ „мистически“ (у Зомбарта теперь куда ни плюнь—является мистика!) стремиться другъ къ другу, чтобы взаимно другъ друга пополнить...

Но мы уже знаемъ, что ирраціональность и таинственность у Зомбарта вездѣ является тамъ, гдѣ дѣйствительность—слишкомъ прозаическая и мѣщански-раціональная—требуетъ прикрытія. И если непримиримый „антагонизмъ“ англійской и нѣмецкой души такъ явно вытекалъ изъ ихъ великодержавно-имперіалистическаго соперничества, то не менѣе ясно, что однимъ изъ *объектовъ* этого соперничества

является—Россія. Ея экономическая судьба пока—быть въ сферѣ притяженія одной изъ двухъ великихъ индустріальныхъ „центральныхъ свѣтилъ“ современности, пытающихся вокругъ себя съорганизовать сложный сверхъ-національный агломератъ, экономически-союзное цѣлое, со сложными взаимоотношеніями и хозяйственнымъ „раздѣленіемъ труда“ между „центральнымъ свѣтиломъ“ и его „спутниками“. Англія и Германія, въ области этой международной экономической политики, два „претендента“; они непримиримо-антагонистичны, потому что сходны, и „тяготѣютъ“ къ Россіи—вѣрнѣе, стремятся распространить на нее свою притягательную силу—именно потому, что отъ нея отличны. Нуждающаяся въ сырьѣ, въ средствахъ потребленія и въ рынкѣ для своихъ фабрикатовъ капиталистическая индустрія Германіи—вотъ оно, „мужское начало“ Зомбарта, стремящееся къ брачному контракту—торговому договору—съ поставщицей сырья, изобилующей нетронутыми естественными богатствами Россіей. „Таинство брака“ здѣсь чрезвычайно просто, „мужское“ и „женское“ начало въ переводѣ на экономическую терминологію звучатъ очень знакомо, и вся эта историко-мистическая „половая проблема“ Зомбарта достаточно анализирована экономіей современнаго индустріальнаго и финансоваго капитала. Что намъ скажетъ на это „буржуазный марксистъ“ и холодный „экономическій матеріалистъ“ Вернеръ Зомбартъ, внезапно закутавшій свое хитро-скептическое лицо ирраціонально-матафизической вуалью и сквозь нее посылающій Россіи свои самыя убійственно-кокетливыя улыбки?

Да, понятно, что подъ этимъ угломъ зрѣнія въ данной войнѣ у Германіи одинъ „настоящій“, истинный врагъ—Англія. Франція въ разсчетъ не идетъ, она слишкомъ въ экономической области „не современна“, чтобы быть опаснымъ конкуррентомъ для хозяйственной мощи Германіи. Она переживаетъ періодъ хозяйственнаго декаданса, и ея фронда противъ Германіи—пустое донкихотство! Все остальное—мелюзга, не стоющая вниманія, кромѣ Японіи, которая пытается „обезьяничать“ Германію гдѣ-то тамъ, на краю міра. А вотъ Россія—золотое дно: не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться. Какъ видите, „инстинктивная“ и „сентиментальная“ программа Вернера Зомбарта до странности точно совпадаетъ съ естественной международно-экономической политикой германскаго капитализма, переросшаго узконаціональную фразу своего развитія и стремящаго перейти въ новую сверхъ-національную или „гиперъ-національную“ фазу...

II.

Въ журналѣ Оствальда „Monistische Iahrhundert“ профессоромъ Пейссомъ изъ Дессау былъ поставленъ ребромъ злободневный вопросъ: какой смыслъ имѣетъ существованіе мелкихъ государствъ? Къ чему они? Не являются ли они устарѣлымъ государственнымъ „провинціализмомъ“? Не пережитки ли это архаической старины? „Эти малыя государства,— Люксембургъ, Бельгія, Голландія — рѣшительно находитъ проф. Пейссъ—могутъ существовать до тѣхъ поръ, пока это терпятъ западныя государства съ одной стороны, Германія— съ другой. *Національное государство окажется для будущаго міра слишкомъ мелкой единицей.* Намъ нужно культурное государство, культурная имперія“.

Не мы будемъ спорить противъ того, что „ревнивыя межи“ современныхъ замкнутыхъ національныхъ государствъ, даже крупныхъ—не говоря уже о мелкихъ—все болѣе и болѣе становятся живымъ анахронизмомъ. Не намъ оспаривать что прогрессирующая *универсализація* знанія, науки, искусства, техники—духовной культуры вообще— перешагнетъ когда нибудь черезъ всѣ нынѣшнія границы, сотретъ ихъ и создастъ болѣе широкую и свободную культурно-государственную среду для общечеловѣческой коопераціи. Но когда намъ говорятъ, что эту задачу можетъ взять на себя современное буржуазное государство, что въ „единое цѣлое“ все человѣчество будетъ съорганизовано капитализмомъ,—въ этомъ позволительно усумниться.

Да, на извѣстной стадіи развитія производительныхъ силъ современный „національный капитализмъ“ чувствуетъ себя стѣсненнымъ рамками собственной государственности, даже когда она территоріально раскинулась очень и очень широко. Да, онъ стремится создать новыя формы государственности болѣе сложной, въ которой—какъ въ современной Великобританіи—метрополія была бы лишь хозяйственнымъ

и политическимъ *гегемономъ*, въ орбитѣ котораго вращаются обладающія разною степенью самостоятельности, но все же подчиненныя, „колоніальныя“ области. Можно какъ угодно мысленно продолжить эту эволюцію, все увеличивая и увеличивая эластичность старыхъ формъ и преобразованіе ихъ въ новыя формы—формы „союзнаго государства“, своего рода „Соединенныхъ Штатовъ“, раскинувшихся на нѣсколько материковъ и обезпечивающихъ свободное развитіе всѣхъ тѣхъ странъ и народностей, которыя входятъ въ ихъ составъ. Но, какъ бы мы ни идеализировали способность старой буржуазной государственности къ самореформированію, какъ бы мы ни закрывали глазъ на „изнанку“ этого процесса и какъ бы ни отмахивались отъ фактовъ, подобныхъ недавнимъ ирландскимъ событіямъ (которыя, даже при неудачѣ, толкаютъ впередъ это самореформированіе)—передъ нами все же останется другой роковой вопросъ: при наличности нѣсколькихъ міровыхъ державъ, пытающихся развиваться по этому типу, и претендующихъ на роль экономическаго организатора всего міра, не ставитъ ли насъ капитализмъ передъ перспективою цѣлаго ряда міровыхъ войнъ и современная война не есть ли многообѣщающее начало этого новаго періода?

Я не случайно взялъ за исходный пунктъ своей характеристики одну изъ статей нѣмецкаго „Монистическаго Столѣтія“. Этотъ журналъ Оствальда и Геккеля, провозгласивши вначалѣ „монизмъ“ натурфилософскій, въ настоящее время окончательно рѣшилъ многосторонне расширить содержаніе этого понятія. Не только принципъ „единства“ природы, не только принципъ энергетико-матеріалистическаго „единства“ духа и тѣла, но и принципъ „единства“ культурно-правовой организаціи всего человѣчества становятся отнынѣ краеугольными камнями этого міросозерцанія. „Монизмъ“ становится всеохватывающимъ міросозерцаніемъ, философіей, связывающей понятія о „сущемъ“ съ понятіями о „должномъ“. Философіей нѣмецкой, и даже нѣмецко-патріотической,—поскольку кузнецомъ будущаго единства міра признается какъ разъ Германія.

Въ извѣстномъ интервью, которое далъ Оствальдъ при своемъ пропагандистскомъ объѣздѣ Швеціи представителю газеты „Dagen“, стоитъ особенно отмѣтить эти слова:

„Я хочу вамъ объяснить великій секретъ Германіи. Германская раса открыла „факторъ организаціи“. Другіе народы еще живутъ при режимѣ индивидуализма, въ то время, какъ

мы живемъ при режимѣ организаціи. У насъ все стремится къ тому, чтобы вытянуть изъ каждой личности максимумъ того, что она можетъ дать въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ для общества.

„Причина ненависти къ намъ коренится въ страхѣ, который чувствуютъ наши враги къ Германіи, къ ея умѣнію реализовать великую организующую идею, которую она сможетъ осуществить полностью только послѣ войны. Говорятъ о нашемъ милитаризмѣ, но именно этотъ милитаризмъ составляетъ одну изъ могущественнѣйшихъ организаторскихъ силъ Германіи. Благодаря своимъ организаторскимъ способностямъ, Германія достигла въ цивилизаціи высшаго періода сравнительно съ другими народами. Среди нашихъ враговъ—русскіе находятся еще въ состояніи безформенной орды, въ то время какъ французы и англичане достигли степени развитія, на которой мы сами находились пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Этотъ періодъ называется индивидуалистическимъ. Но выше этого находится періодъ организаторскій".

Это—глубоко знаменательныя слова. Они, поистинѣ, знаменіе времени. Болѣе *значительныхъ* словъ, поистинѣ, давно не раздавалось въ Европѣ. Намъ впервые сами идеологи буржуазіи прямо говорятъ, что буржуазно-капиталистическое общество вступаетъ въ совершенно новую фазу развитія. Классики политической экономіи—въ томъ числѣ и классики соціализма—учили насъ, что буржуазный строй и хозяйственный индивидуализмъ—едино суть. Прудонъ и Марксъ равно характеризовали типическій признакъ буржуазнаго строя—первый, какъ „анархію экономическихъ силъ", второй, какъ „анархію производства". *Организаціонные* элементы въ капитализмѣ—соглашенія предпринимателей, союзы, акціонерныя компаніи, синдикаты, тресты, монополизаторскія тенденціи концентрированнаго капитала, зачатки гегемоніи и организаторско-контролирующей роли финансоваго міра, *банкократіи*—все это, конечно, не скрывалось отъ глазъ изслѣдователей, но казалось лишь частностями, значительными и характерными для освѣщенія противорѣчій буржуазнаго строя, но и только. Всѣ онѣ мыслились *на общемъ фонѣ* анархическаго индивидуалистическаго хозяйства, въ которомъ властвуютъ законы спроса, предложенія и конкурренціи. Но что всѣ эти явленія имѣютъ тенденцію слиться въ одинъ общій потокъ и создать принципіально иной *общій фонъ* всего народнаго хозяйства,—на такой прогнозъ никто не рѣшался. И, однако, война форсировала процессъ хозяйственнаго новообразованія,

а вмѣстѣ съ тѣмъ дала рѣзкій толчокъ и осознанію новыхъ возможностей капитализма. Конечно, „мобилизація промышленности“ приняла теперь односторонне-милитарный характеръ; конечно, роль государственной власти въ дѣлѣ организаціи и направленія къ единой цѣли всѣхъ народно-хозяйственныхъ рессурсовъ страны соотвѣтственно гипертрофировалась; конечно, организаціонный принципъ „выжать изъ каждой личности максимумъ того, что она можетъ дать полезнаго для общества“ принялъ чрезмѣрно-казарменную окраску. Но это—слѣдствія экстраординарныхъ условій военнаго времени, и нетрудно мысленно ихъ отдѣлить отъ основной тенденціи—замѣнить капиталистическій индивидуализмъ капиталистической же организованностью. И до войны капитализмъ частично, ощупью уже начиналъ,—а послѣ войны съ тѣмъ большей сознательностью и планомѣрностью онъ продолжитъ—дѣло *одолѣнія анархіи производства.* Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что новая фаза капитализма стремится къ своеобразному синтезу буржуазнаго и ремесленнаго способа производства. Ремесленникъ оперировалъ съ *заказомъ*, онъ точно зналъ свой рынокъ и стоялъ лицомъ къ лицу съ потребностями обслуживаемаго имъ круга потребителей; ко ареною его дѣйствія былъ крошечный хозяйственный микрокосмъ. Буржуазная конкурренція разбила узкія рамки этихъ микрокосмовъ и слила ихъ въ хаосѣ *рынка*; она разрушила непосредственную связь между производствомъ и потребленіемъ, поставивъ между ними, въ качествѣ регуляторовъ, колебанія рыночныхъ цѣнъ въ зависимости отъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ во всемъ огромномъ макрокосмѣ буржуазнаго хозяйства. Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы во всемъ этомъ макрокосмѣ вернуться къ учету всего круга „платящаго потребленія“; о томъ, чтобы производство, на этотъ разъ организованное въ національномъ масштабѣ, стало опять лицомъ къ лицу съ потребностями, съ невысказанными *заказами* всей страны. Война облегчила это дѣло, напр. регулируя въ Германіи самое потребленіе особыми „картами“ на право полученія опредѣленныхъ количествъ извѣстнаго продукта: она черезъ посредство государственной власти пустила въ ходъ органы мѣстнаго самоуправленія для контроля надъ потребленіемъ; если позволено будетъ такъ выразиться, она прибѣгла къ *муниципализаціи* потребленія. Но это—не единственное, а лишь самое грубое средство учитывать „платящее потребленіе“ страны. Найдутся болѣе эластичные и менѣе брутальные способы, не связаные съ пря-

мымъ принудительнымъ *ограниченіемъ* потребленія,—ограниченіемъ, оправдываемымъ только исключительностью момента и вовсе не нужнымъ капиталу въ нормальныя времена. Существенно то, чтобы вся промышленность страны сдѣлалась однимъ организованнымъ цѣлымъ, хотя бы и съ надлежащими развѣтвленіями, автономіей вѣтвей, всевозможными сложными ихъ комбинаціями, федерированіями, соглашеніями и т. п. (напр. между организаціями тяжелой и легкой индустріи, потребителями и сбытчиками сырья, etc.). При такой *національной организаціи* капитализма сводится къ минимуму, если не уничтожается, расточеніе силъ въ конкурренціи, перепроизводствѣ, частичныхъ кризисахъ и банкротствахъ; производство нормируется сообразно приблизительному подсчету ожидаемаго сбыта; затѣмъ оно распредѣляется между отдѣльными заведеніями; выйдя изъ-подъ власти неожиданныхъ колебаній спроса и предложенія, устранивъ хаотическое вліяніе случая, промышленность становится уже не рабою, а госпожею цѣнъ. Словомъ, „національный капитализмъ“ перестаетъ быть простымъ „именемъ собирательнымъ“: онъ въ растущей мѣрѣ становится обозначеніемъ нѣкотораго все болѣе и болѣе связаннаго, все болѣе и болѣе цѣлостнаго, все болѣе и болѣе организованнаго единства. Во главѣ его стоитъ концентрирующая управленіе хозяйствомъ всей страны финансово-промышленная *олигархія*. Она имѣетъ—независимо отъ вліянія ея въ общихъ законодательныхъ учрежденіяхъ страны—свои чисто-классовые представительные органы, являющіеся частью „неписанной конституціи“ страны и порою соперничающіе во вліятельности съ парламентами и особенно quasi-парламентами. Центральная власть не только должна считаться съ ихъ волей, но сплошь и рядомъ отъ нихъ зависитъ; она вынуждена для многихъ своихъ предпріятій — напр., размѣщенія внутреннихъ займовъ—прибѣгать именно къ ихъ посредству. Во всей финансовой и экономической политикѣ государственная власть находится въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ ними, и не легко сказать — она ли пользуется ими, какъ своими органами, или же сама она является ихъ центральнымъ органомъ...

Когда капитализмъ вступалъ въ свою „классическую“ или „анархо-индивидуалистическую“ фазу,—онъ щеголялъ политическимъ либерализмомъ, своеобразнымъ буржуазнымъ пацифизмомъ и поверхностнымъ космополитизмомъ. Вступая въ фазу „организованную“, онъ все болѣе и болѣе рѣзко поворачиваетъ къ имперіализму, милитаризму и авторитарнымъ

государственнымъ формамъ. Прежде онъ мирился съ обломками стараго, феодально-абсолютистскаго строя нехотя, поневолѣ: лишь постольку, поскольку слишкомъ пугался своего собственнаго порожденія—пролетаріата. Теперь онъ это дѣлаетъ потому, что нашелъ національному историческому „старью“ примѣненіе, соотвѣтствующее самымъ жизненнымъ своимъ потребностямъ. Милитаризмъ становится частью „организаціоннаго плана“ новаго капитализма, щупальцами этого спрута, протянутыми на міровую арену. Военная каста, аристократически организованная, увѣнчанная острымъ шпилемъ диктаторски-единоличной власти, вмѣстѣ съ еще болѣе узкою кастой секретной дипломатіи—вотъ та *политическая* олигархія, которая должна быть *выше* парламента, и которая служитъ естественнымъ дополненіемъ олигархіи финансово-экономической. Короли съ ихъ „вѣрнымъ“ дворянствомъ могутъ быть довольны. Ихъ мегаломаніи данъ полный просторъ. „Расширять свои владѣнія есть занятіе, наиболѣе любезное сердцу государей“ — изрекъ когда-то одинъ изъ безчисленныхъ французскихъ Людовиковъ. Этому „любезному занятію“ указаны безконечныя возможности — лишь бы оно совершалось въ направленіи, диктуемомъ интересами „организаціоннаго плана“ новаго капитализма. Новая эксплуатація и старый гнетъ, изворотливая сила „злата“ и брутальная сила „булата“, старая традиціонная власть и новая хозяйственная мощь, объединяются въ прочный союзъ. Освободительная эпоха буржуазіи, всегда прихрамывавшая на правую ногу, окончательно ликвидируется. Вступаетъ въ свои права эпоха буржуазной реакціи—или, если грубое слово „реакція“ вамъ не не нравится, можно замѣнить ее болѣе красивымъ словомъ „ренессансъ“. Можно сказать: начинается эпоха религіознаго ренессанса, милитарнаго ренессанса и монархическаго ренессанса. Зарождается модернистское христіанство, нео-клерикализмъ, нео-милитаризмъ и нео-монархизмъ.

III.

Переходъ капитализма изъ анархо-индивидуалистической фазы въ организаціонную приходится разсматривать съ двухъ сторонъ. Это, во-первыхъ, *внутреннія* организаціонныя задачи: ихъ разрѣшеніемъ производится *консолидація* національнаго капитализма. Это, во-вторыхъ, внѣшнія организаціонныя задачи: упорядоченіе его отношеній со всѣми отдаленными сферами его воздѣйствія. Ихъ разрѣшеніемъ производится переходъ капитализма *національнаго* въ *гиперъ-національный*.

Объ этой *второй* сторонѣ задачи Оствальдъ высказался въ своемъ интервью не менѣе опредѣленно. „Вы меня спрашиваете, чего добивается Германія? Она хочетъ организовать Европу, потому что Европа до сихъ поръ неорганизована. Германія хочетъ пойти по новому пути, чтобы осуществить идею коллективнаго труда. На востокѣ Германія создастъ конфедерацію штатовъ, нѣчто вродѣ балтійской конфедераціи, которая будетъ включать Скандинавскіе Штаты, Финляндію и Балтійскія провинціи. Кромѣ того, у Россіи будетъ отнята Польша и изъ нея будетъ создано новое независимое государство. Мнѣ кажется, что настало время перекроить карту Европы". Но больше всего боится Оствальдъ, какъ бы его не поняли превратно: его планы, утверждаетъ онъ, какъ небо отъ земли, далеки отъ всякаго вульгарнаго территоріальнаго „стяжательства". О, нѣтъ! „Мы ничего не будемъ завоевывать. Вы знаете, что я пацифистъ и интернаціоналистъ. Во Франціи мы только завоюемъ право свободной конкурренціи съ французами. Между прочимъ, и право пріобрѣтать земли и имущества. Этимъ же правомъ будутъ пользоваться и французы у насъ, но организованность нашего обмѣна, торговли, экономической кооперація будетъ настолько сильнѣе, мы такъ используемъ право пріобрѣтать во Франціи, что борьба съ нами станетъ въ будущемъ невозможна. Вотъ въ какой формѣ мы представляемъ себѣ завоеваніе".

Здѣсь передъ нами—типичный представитель страны, на-

ходящейся въ апогеѣ мощнаго промышленнаго роста, вѣрящей въ свои силы, добивающейся для себя повсюду „открытыхъ дверей“ и разсчитывающей, что ея организаціоннаго таланта при этомъ будетъ достаточно, чтобы вездѣ внести высшія формы производительности и культурной жизни, ассимилировать однихъ, цивилизовать другихъ и организовать подъ своимъ главенствомъ всѣхъ. Въ отдаленномъ идеалѣ Оствальду и проф. Пейссу рисуется постепенно распространяющійся на весь міръ „Kulturbund“, прообразъ котораго уже налицо — въ видѣ Германской имперіи. Въ ней есть свое „центральное свѣтило“—Пруссія, и „спутники“—другія нѣмецкія государства. Германія должна въ Европѣ занять такое же мѣсто, какъ Пруссія — въ Германіи. Европейскіе „спутники“ Германіи могутъ имѣть, въ свою очередь, своихъ „спутниковъ“. Поѣздка Оствальда въ Швецію имѣла цѣлью убѣдить ихъ въ соблазнительности роли „Пруссіи балтійской конфедераціи“; Болгаріи съ начала войны предлагается „организовать“ Балканы, и, если удастся, сдѣлаться „Пруссіей Балканъ“. Такимъ образомъ, „Kulturbund“ будетъ сложной „конфедераціей конфедерацій“; лишь „въ послѣднемъ счетѣ“, самыми „опосредствованными“ путями въ ней повсемѣстно будетъ проявляться прусская гегемонія; она не исключаетъ цѣлой лѣстницы „подъ-гегемоновъ“. Въ Kulturbund'ѣ найдется мѣсто всѣмъ. Австрія уже сейчасъ—brillant second Германіи, съ особой миссіей на юго-востокѣ; это положеніе надо лишь оформить. Склонится передъ культурбундомъ Россія—и ей завтра же будетъ предложено расширеніе ея гегемоніи въ дальне-восточномъ и юго-восточномъ направленіи—вытѣсненіе Англіи изъ Персіи, Афганистана и Белуджистана, возвратъ Манджуріи и реваншъ съ нѣмецкой помощью надъ Японіей—благо, ей нужно отплатить за захватъ Кіао-Чау. Не пожелаетъ этого Россія—не прогнѣвайся: на этотъ случай готовъ другой планъ, образованія юго-восточной конфедераціи изъ Польши, Украйны, Румыніи съ присоединеніемъ къ ней Бессарабіи. Пожелаетъ примкнуть въ Kulturbund'у Франція—ей обезпечена романская часть Бельгіи и расширеніе за счетъ Англіи въ Африкѣ, съ условіемъ открытыхъ дверей въ колоніяхъ для германскаго капитала—эта комбинація особенно нравится проф. Пейссу. Не пожелаетъ этого Франція—у другого свѣтила „монизма“, Эрнста Геккеля, есть иной планъ: Франція уступаетъ Германіи часть провинцій по сѣверо-восточной границѣ, юго-восточная Бельгія отходитъ къ Люксембургу, сѣверная—къ Голландіи, причемъ оба эти госу-

дарства входятъ въ составъ германскаго союза, а западная, съ Остенде, Антверпеномъ etc. становится отдѣльнымъ германскимъ государствомъ. И т. д., и т. д.

Впрочемъ, все это—частности, въ которыхъ не всѣ „монисты“ еще успѣли между собою сговориться. Но онѣ не такъ важны. Существенна основная идея. „Новое устройство Европы — продолжаетъ Оствальдъ — будетъ основано безусловно на трудѣ, на трудѣ организованномъ, т. е. когда каждому достанется та часть работы, которую онъ лучше всего можетъ выполнить“. Такъ, Пруссія въ Германіи наилучше обезпечиваетъ организацію военнаго и бюрократическаго механизма. Такъ, Германія въ Европѣ наилучше обезпечитъ функціонированіе финансово-индустріальной оси народнаго хозяйства. Такъ, разнымъ другимъ частямъ „культурбунда“ достанется роль—либо поставщиковъ сырья, либо съѣстныхъ припасовъ, либо другихъ „колоніальныхъ“ функцій. Только при такой „организованности“ будетъ обезпеченъ и будущій длительный миръ. „Если бы разныя страны Европы не могли быть приведены къ этому представленію мира добровольно, Германія послѣ побѣдоносной войны будетъ въ состояніи принудить ихъ къ тому силой“. Конечно, главный соперникъ Германіи въ вопросѣ о міровомъ господствѣ, Англія, стоитъ поперекъ дороги этому плану, и съ ней никакія arrangements невозможны; она, поэтому, признается „величайшимъ врагомъ мира въ Европѣ“. Необходимо, поэтому, „лишить ее возможности вредить“, уничтоживъ и сведя къ минимуму основу ея могущества, военный флотъ. „Что касается сухопутныхъ армій, то мы будемъ тогда настолько сильнѣе всѣхъ нашихъ сосѣдей, что всѣ, вѣроятно, надолго откажутся вовсе содержать армію за свой счетъ и передадутъ намъ заботу о своей защитѣ со стороны Востока“.

Здѣсь опять-таки не всѣ „монисты“ единогласны. Такъ, Эмиль Фельденъ изъ Бремена, пріемля европейскую федерацію подъ предсѣдательствомъ Вильгельма II, опасается, что, настаивая на всеобщемъ разоруженіи, кромѣ Германіи, можно лишь возстановить противъ себя другіе народы, и желаетъ опущенія этого пункта; д-ръ Керберъ идетъ еще дальше, считая вообще возможнымъ оставить другимъ народамъ ихъ независимость и ограничиться „открытыми дверями“. Эта „либеральная оппозиція“ въ средѣ „монистовъ“, однако, не менѣе, чѣмъ открыто-шовинистское ихъ большинство, мечтаетъ о созданіи „культурбунда“ и объ организаціи, съ его помощью, всего земного шара, всего чело-

вѣчества. И — это самое главное — полное единогласіе у всѣхъ нихъ вызываетъ одинъ пунктъ, ярко и кратко формулированный проф. Пейссомъ: *„Господами въ этомъ будущемъ мірѣ будутъ великіе промышленники и великіе купцы, опирающіеся на технику“.*

Великіе промышленники и великіе купцы—вотъ они, будущіе „организаторы человѣчества“ въ одну „монистическую“ культурную конфедерацію. И Германія лишь потому и возьметъ на себя роль „кузнеца“ въ выковываніи — хотя бы тяжкимъ молотомъ войны — этого грядущаго единства, что она есть избранная страна „великихъ промышленниковъ и великихъ купцовъ“. Самая нѣмецкая побѣда будетъ логическимъ результатомъ превосходства нѣмецкой организаціи и техники. Нѣмцы одержатъ верхъ надъ всѣми, безсильно бунтующимися противъ ихъ культурнаго напора по тѣмъ же причинамъ, пишетъ Оствальдъ, по которымъ „міръ людей одерживаетъ верхъ надъ міромъ животныхъ“. Философъ берлинскаго университета, Адольфъ Лассонъ, вторитъ ему: „Нельзя быть нейтральнымъ по отношенію къ нѣмецкому государству и народу. Или признаютъ его совершеннѣйшимъ созданіемъ, которое произвела до сихъ поръ исторія, или соглашаются на его разрушеніе, на его искорененіе. Мы, внѣ всякаго сомнѣнія, выше другихъ нравственно и умственно, точно такъ же, какъ выше другихъ—наши организаціи, наши учрежденія“.

Когда-то весь органическій міръ дѣлили на „три царства природы“: растенія, животныя и человѣкъ. Теперь къ нимъ прибавляютъ и четвертое царство природы, въ лицѣ буржуазнаго Uebermensch'а, сверхъ-человѣка, по племенному происхожденію—германца, по занятію — великаго организатора купеческо-промышленной разработки, во всеоружіи техники, всего земного шара... Какая величественная перспектива! Одна бѣда: этотъ сверхъ-человѣкъ, по провѣркѣ, имѣетъ сверхъ казовой стороны — изнанку, гдѣ онъ оказывается просто напросто *сверхъ-лакеемъ*. Для того же проф. Лассона его канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ—„weit hervorragendste unter den lebenden Menschen“, „далеко превосходнѣйшій изъ всѣхъ живыхъ людей“, а про его „барина“, Вильгельма II, и говорить нечего: нашъ языкъ оказывается слишкомъ бѣденъ и прозаиченъ для охватывающаго при мысли о немъ холопскаго восторга; и вотъ, соскочивъ на торжественную латынь, проф. Лассонъ завѣряетъ, что Вильгельмъ, это — „deliciae generis humani“,—„восторгъ рода человѣческаго“!

МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ
С. С. С. Р.

IV.

Когда Оствальдъ говоритъ, что „германская раса открыла факторъ организаціи“, то это, разумѣется, чистѣйшіе пустяки. Да, конечно, въ Европѣ Германія являлась страной съ промышленностью, наиболѣе концентрированной и наиболѣе подвластной контролю современной банкократіи. Однако, и здѣсь она имѣла, въ лицѣ Англіи, чрезвычайно серьезнаго противника, — inde iгае противъ этого вѣчнаго конкуррента. Да, конечно, въ области военной Германія съорганизовала технически великолѣпно оборудованную сухопутную силу и сдѣлалась какъ бы образцемъ милитаристской державы; но опять-таки не надо забывать про то, что Англія, не имѣя подобной репутаціи, довела, однако, до такой же безпримѣрной высоты свою морскую военную мощь, а милитаризмъ остается милитаризмомъ, хотя бы онъ вмѣсто суши избралъ ареною море и назывался „маринизмомъ“. Да, конечно, въ моментъ войны Германія болѣе другихъ странъ съорганизовала, „мобилизовала“ всѣ финансовые, трудовые и промышленные рессурсы страны ради одной цѣли — поддержанія экономической устойчивости внутри и побѣды во внѣ; но вѣдь она, сдавленная съ запада, востока и юга вражескими территоріями на сушѣ и блокадою — на морѣ, болѣе всѣхъ другихъ странъ въ этомъ и нуждалась. Однако, и здѣсь Англія не такъ сильно отстала отъ нея; и въ Англіи почти вся хозяйственная жизнь страны поставлена сейчасъ подъ контроль нѣкоторой организованной собирательной воли. Если Германія можетъ указать на свой всеохватывающій Центральный Военно-Промышленный Совѣтъ, на цѣлый рядъ болѣе частичныхъ, но не менѣе важныхъ учрежденій — „Военныя общества сырыхъ матеріаловъ“, „Военный комитетъ представительства интересовъ потребителя“, союзы экспортеровъ,— Англія можетъ отвѣтить указаніемъ на свой „Національный Рабочій Комитетъ“, создавшій новыя многосторонніе формы

вмѣшательства въ хозяйственную жизнь огромныхъ англійскихъ трэдсъ-юніоновъ (свыше 30) и цѣлаго ряда другихъ, примкнувшихъ къ комитету организацій. Да, конечно, Германія подъ своимъ руководствомъ уже создала изъ примыкающихъ къ ней странъ нѣкоторый гиперъ-національный военно-хозяйственный трестъ—но слѣдомъ за нею уже идутъ, по иниціативѣ Англіи и Франціи, экономическія совѣщанія „союзниковъ“, подготовляющія образованіе контръ-треста.

Этого мало. Обратимъ свои взоры за океанъ, къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Они пока не воюютъ, и въ нихъ сосовременная катастрофа не могла дать такого толчка къ централизаціи контроля за всей экономикой страны. Имъ не нужно созданіе регулирующихъ экспортъ-центровъ — нѣтъ надобности „завоевывать“ новые рынки, достаточно занимать пустующія мѣста—ихъ такъ много очищено поглощенными войною и изолированными войною странами! Имъ не нужны „общества сырыхъ матеріаловъ“, распредѣляющихъ недостающее сырье между предпріятіями и рѣшающихъ самый вопросъ о достаточномъ и не слишкомъ дорогомъ снабженіи имъ; не нужны и центральные промышленные совѣты, овладѣвающіе условіями сбыта; Соединенные Штаты такъ завалены со всѣхъ сторонъ заказами, что и безъ того условія эти максимально-благопріятны. И однако, посмотрите, какъ далеко зашелъ здѣсь процессъ сплачиванія индустріальныхъ группъ. Финансовый синдикатъ Моргана объединяетъ тресты стальной, угольный, электрическій, пароходный и резиновый; финансовый синдикатъ Рокфеллера—тресты нефтяной, мѣдный, плавильный, сахарный, табачный, льдяной; каждый изъ этихъ двухъ китовъ промышленнаго дѣла имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи различныя вспомогательныя предпріятія, каждый имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи или подъ своимъ вліяніемъ рядъ транспортныхъ предпріятій, телеграфныхъ, телефонныхъ, газовыхъ, трамвайныхъ и желѣзнодорожныхъ обществъ и кампаній.

Первыя, появившіяся еще на фонѣ атомизированнаго, анархическаго капитализма акціонерныя компаніи оказались лишь слабымъ прообразомъ того, во что должны преобразоваться цѣлыя огромныя и сложныя промышленныя сферы, взятыя въ широчайшихъ, общенаціональныхъ размѣрахъ. И не легко точно опредѣлить границы государственнаго и даже международнаго вліянія, которое имѣютъ эти „синдикаты синдикатовъ“ и „синдикаты синдикатовъ синдикатовъ“. Въ такихъ объектахъ ихъ эксплуатаціи, какъ злосчастная Мек-

сика, перипетіями соперничества какой-нибудь пары трестированныхъ международныхъ Левіаѳановъ объясняется не мало внутреннихъ переворотовъ, побѣдоносныхъ революцій и контръ-революцій многочисленныхъ, смѣщающихъ другъ друга диктаторовъ и президентовъ. И, что особенно важно отмѣтить, новыя формы капитализма, *конфедерируя* индивидуальныя предпріятія и инвидуальныя доли, не безъ нѣкотораго успѣха *пріобщаютъ* къ интересамъ отдѣльныхъ „тузовъ“ и магнатовъ капитала также и „охлосъ“ міра промышленниковъ и рентьеровъ. Наконецъ, эти новыя формы создали своеобразную привязанность къ интересамъ національнаго капитализма самыхъ широкихъ слоевъ населенія, не исключая мѣщанской „улицы“ и даже своего національнаго пролетаріата...

Такимъ образомъ, въ лицѣ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ англо-саксонская раса не менѣе германской можетъ претендовать на близкое знакомство съ „факторомъ организаціи“, съ его „открытіемъ“ и прогрессирующимъ примѣненіемъ. Разница въ пользованіи этимъ факторомъ у той и другой стоитъ въ связи съ разницей всего хода развитія и выработавшагося исторически національнаго характера англичанъ и англо-американцевъ — съ одной стороны, — германцевъ — съ другой. Одни — прежде всего *практики и эмпирики*, недовѣрчивые къ системамъ, доктринамъ и отвлеченной систематикѣ. Они исподволь, отъ дня ко дню, отъ опыта къ опыту, дѣлаютъ свое дѣло, ведутъ „свою линію“. Другіе — доктринеры и теоретики, привыкшіе теоретически закруглять въ законченную философію жизненную методичность и настойчивость своего дѣйствія. Нѣмцы немедленно спѣшатъ создать безпощадно-послѣдовательную философію имперіализма и его носителя — всесторонне-самоорганизующагося универсальнаго организатора — концентрированнаго финансоваго капитала. Въ ихъ трудахъ онъ встаетъ, какъ новый Великій Фетишъ — новый колоссальный Соціальный Машинизмъ—необъятно-сложная „махина“ національно-организованной мощи конфедерированнаго, планомѣрно спаяннаго во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ капитала, все стремящаго подмять подъ себя, все „упорядочить“, сверху все запрячь въ оглобли своей побѣдоносно объѣзжающей весь земной шаръ колесницы. Они приписываютъ себѣ монополію пониманія его сложнаго внутренняго механизма и умѣнія пустить его въ ходъ по всѣмъ правиламъ науки. Они поднимаютъ вокругъ него столько философскаго и теоретическаго

шума, что простаки и въ самомъ дѣлѣ готовы повѣрить, что имперіализмъ и гиперъ-національный организованный капитализмъ суть силы существенно тевтонскія и бороться съ германизмомъ равносильно преодолѣнію гиперъ-имперіализма. Покойный Бебель какъ-то разъ сказалъ, что „Antisemitismus ist Sozialismus der dummen Kerle“. Теперь, перефразируя его, можно сказать, что „Antigermanismus ist Internationalismus der dummen Kerle“...

Ведетъ ли, однако, „новый капитализмъ“ или „сверхъ-капитализмъ“ этотъ самоорганизованный универсальный организаторъ, свое наступленіе на міръ по англо-саксонскому методу, исподволь, отъ шага къ шагу, отъ опыта къ опыту, какъ эластичная эмпирически-дѣйствующая сила, или по германскому методу, съ заранѣе опубликованной универсальной программой и философскимъ обоснованіемъ, скрѣпленнымъ казенной печатью; подъѣзжаетъ ли онъ съ моря, подвижной и свободный въ движеніяхъ, но вооруженный подводною и надводною бронею сверхъ-дредноута, или тяжеловѣсно надвигается съ суши, украшенный прусской мѣдной каской, едва прикрытой профессорскимъ колпакомъ,—конечный результатъ приблизительно одинъ и тотъ же. Такимъ странамъ, которыя, подобно Россіи, не могутъ сами претендовать на миссію „организаторовъ человѣчества“, въ этомъ конфликтѣ предоставляется выбирать: объектомъ „упорядоченія“ и культуртрегерства котораго изъ двухъ „сверхъ-капитализмовъ“ желаютъ онѣ быть.

Двѣ петли: шелку бѣлаго,
Другая—шелку чернаго.
Любую выбирай,
Въ любую полѣзай...

V.

Впрочемъ, зачѣмъ намъ искать чужого, заграничнаго товара? Развѣ нѣтъ или не можетъ быть у насъ своего, собственнаго самобытнаго, истинно-русскаго шелка? — напоминаютъ намъ наши отечественные финансовыхъ и промышленныхъ дѣлъ мастера.

Именно это напоминаніе являлось „душею“ извѣстной рѣчи Г. А. Крестовникова въ Государственномъ Совѣтѣ. Говоря о будущей мирной конференціи, онъ рисовалъ передъ нашей „палатой лордовъ“ опасность того, что „мы, и будучи побѣдителями, окажемся въ плачевномъ состояніи“. Причины понятны. „Россія представитъ на этой конференціи тотъ *заманчивый кусокъ*, къ которому, несомнѣнно, *будутъ тянуться всѣ руки*. И наши враги, и наши друзья, несомнѣнно, будутъ добиваться тѣхъ условій, которыя были бы имъ выгодны. И нашимъ представителямъ нужно быть весьма сильными для того, чтобы отстоять себя не только отъ враговъ, но и отъ друзей“ *).

Но вѣдь экономическія отношенія союзныхъ странъ не будутъ лишь „создаваться“ на будущей мирной конференціи, „послѣ побѣды“. Они складываются уже и теперь. И не только складываются, но даже и до извѣстной степени оформляются. Экономическія совѣщанія союзниковъ вскорѣ предрѣшатъ многое такое, чего Г. А. Крестовниковъ ждалъ лишь отъ будущей мирной конференціи.

Неудивительно, поэтому, что наша торгово-промышленная пресса уже давно бьетъ въ набатъ, остерегая отъ чрезмѣрнаго экономическаго сближенія съ союзниками. „Промышленность и Торговля“ еще 5 сент. прошлаго года писала: „Идея союзнаго тарифа порождена политическими симпатіями къ нашимъ союзникамъ. Но общность политическихъ цѣлей *не гарантируетъ единства экономическихъ интересовъ*. Мы

*) Цит. по «Русск. Вѣд.», № 75, отъ 1-го апр. 1916 г.

должны „вмѣстѣ бить“ нѣмцевъ въ великой войнѣ, и „врозь идти“ по своимъ независимымъ, обособленнымъ путямъ торговой политики“. Почтенная газета представляется, будто для нея нынѣшняя война — вся есть какое-то „чисто политическое“ явленіе, съ экономическою прозой жизни ничего общаго не имѣющее. Увы! Современная война не только сама есть колоссальное индустріальное предпріятіе; не только въ войнѣ, какъ таковой, торжествуетъ машинизмъ, индустріализмъ, техническое и матеріальное оборудованіе, не только въ ней, до извѣстной степени, „фронтъ переносится въ тылъ“, на экономическое „перемоганіе“ другъ друга, но и болѣе того: «война есть продолженіе политики, только другими средствами». И лозунгъ „врозь идти“ въ экономикѣ означаетъ накоплять конфликты и въ политикѣ. Когда, поэтому, „Промышленность и Торговля“ утверждаетъ, что „вмѣстѣ“ мы можемъ только „бить“ нѣмца; или когда „Финансовая газета“ возмущенно заявляетъ, что экономическіе проекты нашихъ союзниковъ суть „дары данайцевъ“, то этимъ самымъ они утверждаютъ, что группировка силъ въ современномъ конфликтѣ есть дѣло преходящее, и что успѣхъ коалиціи будетъ ея разложеніемъ и перегруппировкой силъ. Ghangez vos dames, s'il vous plaît. Недурно, не правдали ли?

Дары данайцевъ... Проф. Гольдштейнъ въ своемъ извѣстномъ докладѣ о промышленныхъ перспективахъ послѣ войны доказывалъ, однако, что ко времени мирной конференціи наши финансы и платежныя силы населенія окажутся въ такомъ перенапряженномъ состояніи, а задолженность наша союзникамъ — такъ велика, что выбора не будетъ. Надо будетъ установить въ таможенномъ тарифѣ два этажа: одинъ — для Германіи, другой — для Англіи и Франціи. Данайскій конь союзнаго промышленнаго и финансоваго капитала долженъ быть введенъ со всѣми удобствами въ русскую Трою, и такъ какъ нынѣшнія ворота для него слишкомъ узки, то придется, согласно тому же историческому прецеденту, сдѣлать «проломъ въ крѣпостной стѣнѣ» автономнаго таможеннаго тарифа. Въ преніяхъ тогда ему возражалъ г. Рябушинскій, въ весьма тактичныхъ и прикровенныхъ выраженіяхъ выясняя, что въ такомъ случаѣ вся „игра“ — т. е. освободительная война отъ экономическаго „нѣмецкаго засилія“ — не стоила свѣчъ, и рѣшительно все равно, быть ли съѣденнымъ подъ прѣснымъ нѣмецкимъ или подъ пикантнымъ французскимъ соусомъ. Но какъ бы ни былъ правъ субъективно г. Рябушинскій, объективная правда была на

сторонѣ Гольдштейна. Положеніе сбязываетъ, и хотимъ мы или не хотимъ, а должникъ не можетъ запереться на запоръ отъ кредитора.

Вообще первые восторги нашихъ промышленныхъ и финансовыхъ воротилъ по случаю освобожденія Россіи отъ „колоніальной“ роли по отношенію къ Германіи сильно поохладѣли и смѣнились страхомъ передъ „колоніальнымъ“ положеніемъ по отношенію къ нынѣшнимъ союзникамъ. Ближайшія перспективы послѣ мира вообще многимъ рисуются все въ болѣе и болѣе мрачныхъ краскахъ. „Не нужно предаваться никакимъ иллюзіямъ“ — писало „Новое Время“ отъ 8 янв. — „при оцѣнкѣ будущей экономической конъюнктуры нужно исходить изъ грубо откровеннаго тезиса: въ моментъ подписанія мирнаго трактата торгово-промышленная позиція Германіи будетъ неизмѣримо болѣе выгодна, чѣмъ положеніе союзниковъ“. Въ Бельгіи, въ Польшѣ, въ наиболѣе индустріальной сѣверной Франціи возстановленіе промышленности и всей матеріальной культуры еще потребуетъ долгаго и долгаго времени; „можно считать безусловно доказаннымъ тезисъ, что союзники выйдутъ изъ войны промышленно ослабленными“. Между тѣмъ въ Германіи организація промышленности создала увеличеніе прибылей, которое скажется послѣ мира немедленнымъ расширеніемъ производства; вслѣдствіе прекращенія экспорта уже теперь въ странѣ создались огромные, многомилліардные товарные запасы, а торговый флотъ Германіи, нынѣ войною парализованный, но ни уничтоженный, разомъ будетъ пущенъ въ ходъ, разнесетъ германскіе товары по всѣмъ концамъ міра, и это будетъ ея торжествомъ и реваншемъ даже въ случаѣ конечной неудачи на поляхъ битвъ. Стало быть, войну съ Германіей придется продолжать, перенеся ее съ поля состязанія армій на поле состязанія таможеннаго. И „Новое Время“ приглашаетъ насъ взглянуть прямо въ глаза перспективѣ боевого союзнаго тарифа, отвѣчающаго усиленными пошлинами во всѣхъ союзныхъ странахъ въ отвѣтъ на всякое назначеніе нѣмцами вывозныхъ премій на тѣ или иные товары, закрытіе гаваней для нѣмецкихъ судовъ, возстановленіе англичанами навигаціоннаго акта Кромвеля, а главное—перспективѣ „законченнаго таможеннаго союза“ державъ согласія.

Пессимизмъ объемлетъ отчасти и нашихъ союзниковъ. Такъ, напр., Де-Стреетъ въ февральской книжкѣ „Revue de Paris“ предвидитъ въ будущемъ лишь переходъ войны кро-

вавой въ войну безкровную, хозяйственную. „Мы впали бы въ глубокую ошибку, если бы рѣшили, что будущій мирный договоръ будетъ послѣдней страницей переживаемой нами жгучей эпохи. Какъ только война закончится, всѣмъ воевавшимъ странамъ придется возродить свое разрушенное богатство и подготовиться вынести громадную тяготу, какъ неизбѣжный результатъ войны. Начнется новая война, но уже не изъ-за территорій, — и, однако, отъ нея будетъ зависѣть вся будущность націи: та же нація, которая въ ней будетъ побѣждена, будетъ низведена на положеніе маленькой державы". Дс-Стреетъ напоминаетъ, какой декадансъ переживала французская промышленность до войны, и боится, какъ бы отъ ранъ, нанесенныхъ войной, она не впала окончательно въ летаргію. Гдѣ же выходъ? Три средства видитъ Де-Стреетъ. Это, во-первыхъ, общенаціональныя жертвы ради поднятія національной индустріи, „крупное усиліе націи и поддержка со стороны правительства"; это, во-вторыхъ, усиленная эксплуатація французской „колоніальной имперіи"; и это, въ-третьихъ, „экономическое объединеніе союзниковъ". Послѣднее ясно: кромѣ прямыхъ колоній, надо имѣть союзныя земли, экономически играющія роль колоній. На нашу долю здѣсь ясно выпадаетъ роль довольно „страдательная". За то для себя отъ экономическаго объединенія союзниковъ многіе французскіе экономисты, съ Э. Тэри во главѣ ждутъ чуть-чуть не чудесъ.

Итакъ, намъ предстоитъ въ лучшемъ случаѣ цѣлая эра войнъ безкровныхъ. Во имя „общаго врага" будутъ консолидироваться монструозные тресты націй, для чего, однако, придется преодолѣвать немаловажныя внутреннія тренія: такъ, Германія стремится къ таможенному союзу центральной Европы, а Голландія, Данія, Швейцарія и даже Австрія боязливо упираются передъ нимъ; такъ, Англія стремится преодолѣть внутри Британской имперіи таможенный сепаратизмъ колоній, предлагая взамѣнъ переходъ къ общеимперскому протекціонизму; но эта задача оказывается не изъ легкихъ; такъ, Франція стремится преодолѣть сопротивленіе русскихъ промышленниковъ въ вопросахъ, вродѣ, напр., предоставленія французскому капиталу, прилагаемому въ Россіи, права безпошлиннаго ввоза французскихъ машинъ, и т. п., но „мы" устами новаго тов. мин. фин. Лангового уже заранѣе формулируемъ свои оговорки. Оствальдъ могъ сколько угодно представлять намъ „сверхъкапитализмъ" будущаго, какъ творца общей гармоніи, свое-

образнаго космополита и пасификатора. То — имперіалистическія мечтанія. Имперіалистическая дѣйствительность говоритъ другое. Даже полная побѣда Англіи надъ Германіей или обратно, даже въ результатѣ ея „организація Европы“ въ конфедерацію подъ чьимъ-либо единымъ главенствомъ не написали бы „послѣдней страницы“ къ „переживаемой нами жгучей эпохѣ“. Въ Новомъ Свѣтѣ, въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ, есть свой центръ притяженія съ претензіей на роль организора. Въ Азіи, подъ шумокъ Европейской распри, на свободѣ все болѣе и болѣе упрочивается въ такой же позиціи Японія. Отъ чаши до устъ далеко. И вмѣсто праздника сверхъ-капиталистической общечеловѣческой гармоніи передъ нами — будни все обостряющагося соперничества, гдѣ за всякимъ улаженнымъ или разрѣшеннымъ конфликтомъ вырисовывается новый, а въ ходѣ разрѣшенія всякаго новаго имѣютъ тенденцію воскреснуть и возродиться старые...

VI.

Г. В. Плехановъ, П. Масловъ и Н. Іорданскій открыли собою въ русской соціалистической литературѣ новую эру. Изъ особыхъ мотивовъ — боязни, какъ бы „экономическое засиліе“ Германіи не убило русской индустріи и не оставило Россіи на положеніи существенно-крестьянской страны, хуже чего для нихъ въ политическомъ отношеніи быть не можетъ—они всецѣло примкнули къ пріятію войны, какъ фактора будущаго промышленнаго расцвѣта и индустріализаціи нашей родины. Перефразируя слова одного изъ германскихъ соціалъ-патріотовъ, они могли бы сказать, что съ ихъ точки зрѣнія для Россіи „война—локомотивъ исторіи“. Да, именно война, побѣдоносная война должна открыть Россіи новые горизонты экономическаго развитія, сдвинуть ее съ мертвой точки, многосторонне увеличить и численность, и общій удѣльный вѣсъ національнаго пролетаріата, этого носителя всяческаго прогресса въ противоположность косной деревнѣ.

Если они хотятъ быть послѣдовательными, то „пріять“ имъ придется не только анти-германское остріе хозяйственной и торговой политики г.г. Крестовниковыхъ, Рябушинскихъ, Мигулиныхъ, Жуковскихъ и т. п. Wer A sagt, muss auch B sagen. Кто становится на точку зрѣнія всесторонней защиты организованными силами государства національной капиталистической промышленности—хотя бы не ради нея самой, а ради порождаемаго ею пролетаріата—тотъ долженъ столь же ревностно предостерегать противъ англійскаго и французскаго „экономическаго засилья“ сколь и противъ „тевтонскаго“. Тѣмъ болѣе, что чье угодно засилье при наличности конкурренціи другихъ странъ далеко не такъ опасно, какъ засилье „союзнаго“ капитала въ условіяхъ искусственной монополіи, которая будетъ создана боевымъ союзнымъ тарифомъ и политически подкрѣплена нашей растущей финансовой задолженностью передъ Англіей и Фран-

ціей. Лозунгомъ дня и для нашихъ соціалъ-патріотовъ должна стать—длительная „освободительная борьба“, борьба за „эмансипацію“ русской національной индустріи, борьба, для которой Германія случайно явилась лишь *первымъ*—но далеко не послѣднимъ объектомъ. Эту длительную борьбу надо „пріять со всѣми ея послѣдствіями—между прочимъ, съ перспективами новыхъ неизбѣжныхъ войнъ и подготовленія къ нимъ, подъ прикрытіемъ стараго знакомаго софизма „если хочешь мира, готовься къ войнѣ“.

Это вѣдь все старые, очень старые мотивы. „Признаемъ же нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“—произнесъ когда то фатальныя слова П. Б. Струве. И пошелъ, и пошелъ, вѣрнѣе, покатился по наклонной плоскости. Г. Плехановъ и П. Масловъ подошли только съ другой стороны къ тому же склону, и уже начали катиться. Докатятся ли съ такимъ же своеобразнымъ мужествомъ до самаго конца, или исхитрятся примоститься гдѣ нибудь на межсумочной полдорогѣ?

Крестовниковы и Рябушинскіе, для которыхъ П. Струве теперь уже совсѣмъ „свой человѣкъ“, показываютъ имъ и журавля въ небѣ — будущую индустріализацію Россіи — и предлагаютъ „синицу въ руки“—если не „рабочій съѣздъ“, то, по крайней мѣрѣ, признаніе промышленниками и закономъ профессіональныхъ союзовъ, въ отвѣтъ за признаніе другой стороной—всесторонняго трестированія и національной организаціи русской промышленности.

На одномъ изъ прошлогоднихъ декабрьскихъ собраній членовъ Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета съ представителями печати, докладчикъ комитета В. Жуковскій между прочимъ заявилъ: „По идеѣ военно-промышленныхъ комитетовъ рабочіе должны тѣсно войти въ ихъ организацію. Здѣсь они ознакомятся со всей подоплекой промышленной дѣятельности, и если таковое ознакомленіе произойдетъ, то несомнѣннымъ результатомъ его будетъ сближеніе производителя-промышленника съ производителемъ-рабочимъ. *Результатомъ же всего этого будетъ индустріализація страны...* Двѣсти промышленныхъ комитетовъ, раскиданныхъ по Россіи—это двѣсти ячеекъ зарождающагося движенія въ сторону индустріализаціи страны, двѣсти школъ, въ которыхъ люди, прежде далекіе, чуждые и даже враждебные промышленности, учатся понимать ее въ процессѣ работы въ ея области. *На мѣстахъ прививается промышленная идеологія.* Дѣятели комитетовъ свыкаются даже съ непонят-

ной имъ прежде идеей профессіональнаго объединенія промышленниковъ. Синдикаты перестаютъ быть пугаломъ".

Вотъ именно. Двѣсти очаговъ „выучки у капитала", двѣсти очаговъ идейнаго „вываривания въ фабричномъ котлѣ", двѣсти школъ приручения, одомашненія диковатыхъ существъ, „прежде далекихъ, чуждыхъ и даже враждебныхъ промышленности"!

Результаты „выучки и вываркн" поистинѣ блестящи: помилуйте, за цѣлымъ рядомъ разныхъ „пріятій" дошла очередь и до „пріятія" всесторонняго синдикированія русской промышленности. Да и какъ же иначе, если мы, взбираясь по лѣстницѣ капиталистическаго развитія, какъ блестяще объяснилъ намъ Оствальдъ, съ „индивидуалистической" ступени перескупили на „организаціонную"?

Наши промышленники недурно усвоили себѣ эту мысль. И они прекрасно понимаютъ, что если нынѣшніе военно-промышленные комитеты организованы черезчуръ примѣнительно къ экстраординарнымъ условіямъ военнаго времени, то заложенная въ нихъ основная „организаціонная" или „мобилизаціонная" идея не должна улетучиться и послѣ мира: она должна, напротивъ того, получить свое истинное, нормальное или органическое значеніе. И вотъ почему, когда наши совѣты объединенной промышленности представили совѣту министровъ свою извѣстную записку о планѣ будущей экономической политики, они именно эту идею и положили въ ея основу. „Потрясенные войною до основанія всѣ устои хозяйственной жизни", обнаружившіеся „громадные недочеты въ хозяйственномъ строѣ страны" „угрожающая государству и странѣ опасность полнаго банкротства"—все это служитъ лишь обоснованіемъ лозунга—организація подъ знакомъ капитала. Якорь спасенія для страны—созданіе въ законодательномъ порядкѣ особой комиссіи изъ представителей различныхъ общественныхъ и промышленныхъ организацій подъ предсѣдательствомъ Высочайше назначеннаго лица. Этотъ организаціонный центръ долженъ быть, конечно, лишь верховнымъ двигателемъ и контролеромъ, а вмѣстѣ — посредникомъ между государствомъ и настоящими, доподлинными „организаторами" народнаго хозяйства. Основы же будущаго хозяйственнаго плана должны заключаться „въ свободной иниціативѣ хозяйственныхъ единицъ, *объединенныхъ въ мощные союзы*". Эти „мощные союзы" имѣютъ центръ тяготѣнія въ лицѣ центральной власти, но не государства, какъ предпринимателя, а государства, какъ „верховнаго руководителя

народнаго труда, капитала и земледѣлія". Словомъ, и у насъ должна настать эра не индивидуализма, товарной „анархіи производства"—а истинно организованнаго и цѣлостнаго національнаго капитализма, планомѣрно сдѣпленнаго и соразмѣреннаго во всѣхъ своихъ частяхъ, съ надлежащимъ, „подписомъ и приложеніемъ казенной печати". Весьма своеобразное, достаточно эластичное и свободное огосударствленіе автономно-ассоціированнаго капитализма, съ сохраненіемъ „свободной иниціативы хозяйственныхъ единицъ" — таковъ тотъ грандіозный и вполнѣ современный планъ, въ который вылилась наша современная „промышленная идеологія". Какъ видите, мы не отстаемъ отъ Германіи по части потугъ родить новый олигархическій „гиперъ-капитализмъ"... Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.

Само собою разумѣется, что съ точки зрѣнія этой любопытной докладной записки „вопросы усиленія производительности народнаго труда, вопросы добычи, вопросы накопленія должны стоять впереди вопросовъ распредѣленія народныхъ богатствъ" и надо „искать выхода не въ предѣлахъ существующаго богатства, а въ накопленіи новаго, въ развитіи производительныхъ силъ". Г. В. Плехановъ и его товарищи пока уже согласились на время войны совѣтовать русскимъ рабочимъ отложить въ сторону споры о „распредѣленіи" и заняться всецѣло и всемѣрно „производствомъ". Имъ остается сдѣлать еще другой шагъ: признать, что и вообще лучшее „распредѣленіе" придетъ за болѣе удачнымъ общенаціональнымъ накопленіемъ или, по еще болѣе красочному выраженію записки промышленниковъ, „добычей"... Итакъ, что долго сомнѣваться! Да здравствуетъ прежде всего объединяющее рабочихъ и капиталистовъ общенаціональное дѣло „добычи"! Разъединяющіе же „вопросы распредѣленія", эти „навязчивыя идеи" народничества, могутъ и подождать...

Мы видимъ, къ чему привела насъ логика. Бьющій въ глаза конфликтъ „земли и желѣза", мирной „земляной" Руси и закованной въ желѣзо, машинной Германіей, собирающейся раздавить ее своей тяжкой колесницей, на нашихъ глазахъ постепенно развивался, принималъ все новыя и новыя формы, и, наконецъ, поставилъ лицомъ къ лицу съ самобытнымъ русскимъ переложеніемъ нѣмецкаго образца. „Что гудокъ, что гусли, что Литва, что Русь-ли", на провѣрку все выходитъ переваливаньемъ изъ кулька въ рогожку. Изъ тягостныхъ объятій германскаго гиперъ-капитализма—въ объятія гиперъ-капитализма союзнаго, и, наконецъ, изъ нихъ—подъ

крылышко вылупляющагося гиперъ-капитализма истинно-русскаго, у котораго „охота смертная, да участь горькая“. Что же дѣлать? „Предпочесть оригиналы спискамъ“ или обратно? Мы отказываемся отъ выбора. Мы считаемъ возможнымъ лишь—избраніе совершенно независимой, абсолютно самостоятельной позиціи въ этой свалкѣ силъ „далекихъ, чуждыхъ и даже враждебныхъ“...

Мы видѣли, что есть „имперіалистическія мечтанія“, съ гармоніей, умиротвореніемъ, объединеніемъ всего человѣческаго космоса—и есть далекая отъ нихъ дѣйствительность. Значительная часть — даже большинство—соціалистовъ, попавшихъ нынѣ на запятки боевыхъ колесницъ своихъ вылупляющихся національныхъ гиперъ-капитализмовъ, въ своей идеологіи отражаютъ эту игру внутреннихъ противорѣчій. Есть соціалъ-патріотическія мечтанія о длительномъ мирѣ и Соединенныхъ Штатахъ Европы, которыя должны быть принесены на хвостѣ сорокой—нѣтъ, не на хвостѣ сорокой, а побѣдой. И есть дѣйствительность—работы на силу „чуждую, далекую и даже враждебную“...

Но они этимъ не смущаются. Они стали практичны. Что для нихъ теперь интернаціонализмъ? Какое-то невѣсомое „право первородства“. А вотъ дальнѣйшее хозяйственное преуспѣяніе, „индустріализація страны“, уступки, въ награду за общенаціональное рвеніе, рабочимъ, уступки, которыхъ даже еще не обѣщали, а лишь „обѣщали посулить“—это чечевичная похлебка практическаго успѣха. Примемся же, каждый для себя и „у себя дома“, припасать ложки, чтобы ѣсть приснившійся во снѣ кисель, то бишь похлебку изъ чечевицы! Вѣдь Гюставъ Эрвэ такъ чудесно сказалъ, что съ наступленіемъ войны „соціалисты свалились съ облаковъ на землю и каждый на свою родную землю“...

Петроградская Издательская Комиссія.
Галерная, 27.

1. Наша программа (популярное изложеніе) . . . . . 10 к.
2. Программа и аграрный законопроектъ, внесенный во 2-ю Госуд. Думу . . . . . 10 „
3. *Н. Быховскій.* Для чего нуженъ Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ . . . . . 10 „
4. *Гарвинсъ.* Почему я соціалистъ . . . . . 15 „
5. *Лаврусевичъ.* Чего хотятъ друзья народа . . . . . 30 „
6. Соціалиста словили . . . . . 10 „
7. *Новоторжскій.* Соціализація земли . . . . . 15 „
8. *Е. Лазаревъ.* Какъ крестьянамъ дали волю . . . . . 15 „
9. *Дикштейнъ.* Кто чѣмъ живетъ . . . . . 15 „
10. Наша платформа къ выборамъ въ гор. Думы . . . . . 3 „
11. *П. Вихляевъ.* Какъ уравнять пользованіе землей . . . . 15 „
12. *А. Шрейдеръ.* Царь-Голодъ . . . . . 6 „
13. *В. Черновъ.* Война и третья сила . . . . . 50 „
14. *В. Черновъ.* Интернаціоналъ и война . . . . . 50 „
15. *Глыба.* Разговоръ солдатъ объ отреченіи царя . . . . . 6 „
16. *В. Цвѣткова.* Какъ лучше распредѣлить землю . . . . 6 „
17. *Н. Брюлова-Шаскольская.* Народности Россіи и ихъ требованія . . . . . 6 „
18. *В. Черновъ.* Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категоріи . . . . . 50 „
19. *Б. Коварскій.* Сокращеніе рабочаго времени и 8-ми часовой рабочій день . . . . . 25 „
20. *Б. Коварскій.* Е. К. Брешковская съ автобіогр. бабушки русской револ. . . . . 50 „
21. *Ст. Слетовъ.* Къ исторіи возникнов. Партіи С.-Р. . . . 80 „
22. *В. Черновъ.* Сквозь туманъ грядущаго . . . . . 60 „
23. *А. Шрейдеръ.* О налогахъ . . . . . 10 „
24. *Б. Корень.* Сущность ученія Соц.-Рев. (поп. изл.) . . 20 „
25. *В. Трутовскій.* О муниципальной программѣ . . . . . 25 „
27. *И. Бѣлочкинъ.* Земля и воля трудов. народу . . . . . 15 „
28. Резолюціи, принят. на 3-мъ съѣздѣ П. С.-Р. съ предисл. Ц. К. 12 „

Печатаются:

29. *А. Бахъ.* Царь-Голодъ.
30. *В. Цвѣткова.* Какъ производить выборы.
31. *Діэзъ.* Сказка о царѣ недоумкѣ.
32. *Глыба Сыровъ.* Минимумъ заработной платы.
33. *Шэфлѣ.* Сущность соціализма.
34. *Викторъ Черновъ.* Земля и право.
35. *М. Вишнякъ.* Личность въ правѣ.
36. *Тунъ.* Исторія революціон. движ. въ Россіи съ прим. Л. Э. Шишко Донское казачье Войско.
А. Н. Что нужно рабочему народу.
Д. Самойловъ. Профессіональные союзы.

Тип. П. П. Сойкина.